

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ 3-ТОМ НАЧАЛО СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Адам Смит. Томас Рид. Французское
просвещение

Основное место Адама Смита – в истории экономики, а не философии. Поскольку он заведовал кафедрой логики и моральной философии в университете Глазго. И именно в качестве экономиста Смит широко известен русскоязычному читателю. Тем не менее Энтони Кенни включает его в раздел философии. И мы продолжаем наш курс истории Западной философии Нового времени в изложении Энтони Кенни.

Почему Энтони Кенни включает в свой труд деятельность Адама Смита? Потому что философию Адам Смит понимает как «науку о взаимосвязанных принципах природы», однако эти связи и отношения он, следуя Юму, обнаруживает не в самой природе, а в человеческом уме, в его «способности воображения» (inventions of the imagination).

Вслед за Локком и Юмом, придавая огромное значение опыту, решающую роль в человеческом познании Смит отводил науке и её теории. Образцом научной теории он считал концепцию Ньютона. Ей же он придавал смысл методологического руководства, пригодного для других научных дисциплин, например, для особо интересовавшей Адама Смита моральной философии. Цель последней – это достоверное описание и глубокое объяснение моральных отношений людей на основе не неких вымышленных нравственных правил должностования, но фактов, относимых не к совершенным существам, а к столь «слабым и несовершенным творениям, какими являются обычные живые люди».

В основание морали Смит (снова же следуя философам-эмпирикам, прежде всего Юму) кладёт не разум, рационалистические выкладки и соображения, а ощущения и чувства человека. Разум, конечно, также играет роль в сфере морали, но роль вторичную. Он способствует осмыслению и оценке соотношения целей и средств. В отличие от тех своих предшественников и современников, которые говорили о совершенно специфическом и относительно самостоятельном моральном чувстве, делая из него фундамент этики, Смит парадоксальным образом обрисовывал такое чувство как конструкцию морализирующего ума. Адам Смит считал, что мораль зиждется на том чувстве, на котором основывается деятельность человека во всех других сферах, областях и измерениях, чувстве симпатии. В противовес этическому эгоизму и, соответственно, утилитаризму он утверждал, что (эгоистическое) усмотрение полезности нравственного или правового поведения отнюдь не изначально и не может служить собственной основой образования.

Любое действие человека, согласно Смицу, лишь в том случае достигает успеха, если этот человек способен войти в положение других людей и как бы солидаризироваться с помощью чувства симпатии с их чувствами, ощутив нечто вроде превентивной благодарности, которую другой человек способен проявить в ответ на планируемое действие. Этот момент Смит называет «идентификацией с помощью симпатии». Если таковая не имеет места, то действие либо обречено на неудачу, либо приводит к следствиям, подрывающим смысл и цель действия. Своё понимание действия Смит встраивает в более общее понимание мира, которое включает элементы телеологизма и телеологизма: мир, созданный Богом, нацелен на благо и счастье всех существ. При этом философ предостерегает против понимания «симпатии» как простого альтруистического аффекта, а толкует её как объективное единство и «тяготение» людей друг к другу, восходящее к Богу и природе. Такое понимание человеческих отношений вообще, морали в частности, облегчает ему переход к экономической концепции, имеющей своей целью трактовку отношений людей в хозяйственной сфере. Именно в этом качестве мы его и знаем.

В 1759 году Адам Смит опубликовал «Теорию моральных чувств». В этой работе он сделал ещё больший акцент на роль симпатии как основополагающего элемента в наших моральных суждениях, представив более сложный анализ самой симпатии и ее отношения к морали. В то время как для Юма симпатия была по существу разделением удовольствия или боли с другим, для Смита симпатия имеет более широкий охват и может возникнуть из обмена любой страстью. Таким образом, наша забота о справедливости проистекает из сочувствия жертве и к причинённому ему вреду.

Смит исходит из того, что никакая общественная реальность, никакие связи людей, включая связи экономические, попросту не сложились бы, когда бы главным мотивом человеческих поступков был простой эгоизм. Правда, общество не может выстроиться и на чистом альтруизме. Однако какой-то вид «симпатии», «аффективного резонанса», то есть учёта чувств другого человека и его интересов, приходится предположить, иначе общество, экономику, по его мнению, вообще нельзя ни вообразить себе, ни объяснить другим людям.

Концепция Смита включает в себя ряд других философских (главным образом философско-правовых и этических) элементов, из которых наиболее интересно стремление подвести философский фундамент под знаменитую экономическую «теорию стоимости». Как известно, последняя возникла в острой полемике с физиократами и меркантилистами. В меркантилистской концепции Смит оспаривал отождествление богатства и денег, а также рекомендацию для обогащения страны любыми способами скапливать в ней запасы благородных металлов. Главной же практической рекомендацией самого Смита как экономиста было не создание в стране торгового баланса любыми силами, а установление оптимального соотношения производства и потребления.

Следующий философ нового времени, о котором рассказывает Энтони Кенни – шотландец Томас Рид, который жил в период с 1710 по 1796 год.

Рид является главным представителем философии «здорового смысла» и критиком учения Юма. Священник из шотландской провинции, Рид сумел не только прославиться благодаря своей главной работе «Исследования о человеческом духе на основе здравого смысла» (1763 г.), но сплотить вокруг себя группу философов-единомышленников и занять после Адама Смита кафедру философии в Глазго.

Подобно Адаму Смиту, Рид усматривал в научном методе Ньютона образец, которому должна подражать и философия. И в ней на первое место следует поставить наблюдения и эксперимент, отыскивать истинные причины, избегать абстрактных, недоказуемых гипотез, во всем полагаясь на *common sense*, здравый смысл.

Рид подвергает резкой критике те концепции эмпиризма и сенсуализма, которые пустили особенно глубокие корни на почве английской философии, самые основательные из них были разработаны его ближайшими предшественниками Локком и Юмом. Рид отвергает такое толкование принципа эмпиризма, согласно которому органы чувств как бы «снимают» с внешних предметов образы, направляют их к мозгу, после чего они, уже в качестве «составных», вторичных восприятий «принимаются» душой. Подобная концепция, согласно Риду, не подтверждается именно опытом. Образы могут быть в лучшем случае отнесены к зрительным ощущениям, тогда как другие ощущения не дают образов в собственном смысле. А как быть с вещами, которые вообще непосредственно не ощущаются?

В фундамент человеческого познавательного опыта Рид считает необходимым положить не ощущения и комплексы ощущений (и, стало быть, не деятельность органов чувств, нервной системы и мозга, в целях гносеологического наблюдения как бы отделённую от всего организма человека), а некоторое целостное и непосредственное духовное образование, которое, однако, получает традиционное для эмпиризма название «восприятие».

Но Рид, в отличие от предшественников, имеет в виду не составленное из ощущений *post factum*, а как бы соседствующее с ними восприятие, с помощью которого дух целиком, полностью и достаточно точно «схватывает» внешний предмет в целом. Восприятие не только «представляет» предмет, но непосредственно и точно свидетельствует о его существовании, почему все запутанные споры и доказательства философов о существовании или несуществовании предметов внешнего мира излишни.

«Я знаю, что эта вера, которой я обладаю в процессе восприятия, подвергается самым сильным нападкам со стороны скептицизма, но они не производят на меня особенно сильного впечатления. Скептик задает мне вопрос: почему вы принимаете на веру существование внешнего предмета, который дается вам благодаря восприятию? Эта вера, сэр, не является моим изобретением. Она вышла из мастерской природы, носит на себе ее печать и своего рода автограф, если я не прав, не моя в том вина. Я принимаю её с полным доверием и без всякого подозрения».

Адам Смит и Томас Рид были двумя выдающимися представителями того, что позже стало известно как Шотландское Просвещение. По всей Европе XVIII века представители интеллигенции считали, что они несут свет разума в регионы, омраченные невежеством и суеверием, но именно Франция рассматривалась самой собой и другими как источник Просвещения. Кульминацией французского просвещения стала публикация в 1750–1760 годах семнадцати томов труда под названием «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел» под редакцией Дени Дидро и Жана Д’Аламбера. Но почва для этого манифеста

готовилась уже более полувека другими французскими мыслителями, о которых мы продолжим разговор в этой лекции.

Свой рассказ о философах французского просвещения Энтони Кенни начинает с Пьера Бейля. Он изложил «Исторический и критический словарь», в котором посредством подробных исследований библейских и исторических персонажей показал несогласованность и непоследовательность большей части естественного и богословского. Мораль его обзора заключалась в том, что религиозная вера будет твердой, только если она сопровождается общей веротерпимостью, и что преподавание этики должно быть независимо от религии. Вера в человеческое бессмертие или в существование Бога не была чем-то необходимым для добродетельной жизни.

Философское мировоззрение Бейля сформировалось под влиянием как античного скептицизма (пирронизма), так и идей современных ему мыслителей: Монтеня, Паскаля, Декарта. Но в отличие от декартовской формы критического сомнения скептицизм у Бейля более последователен – не только схоластика, но и труды современников должны быть выставлены на суд разума. Скептицизм предстает у Бейля как критическая рефлексия, направленная на поиск истины. Бейль исходит при этом из того, что всем людям присущ свет «всеобщего разума» («естественный свет»). Это первое правило жизни. Второе правило жизни – учение, проповедуемое в Священном Писании. Второе правило зависит от первого. «Естественный свет» есть высший судья, его приговор окончательный, и если утверждения Священного Писания противоречат этому приговору, то они ложны. Бейль убежден в том, что даже в области исторических изысканий возможно довести истины до такой же (и даже большей) степени достоверности, как и достоверность математических истин. Например, утверждение о существовании Цицерона более достоверно, чем утверждения математики о существовании абсолютно прямых линий, лишенных толщины.

Скептицизм у Бейля носит конструктивный, творческий характер, он направлен на то, чтобы помочь «естественному свету» освободиться от противоречий, которых, как показывает Бейль, не лишены философские системы Декарта, Спинозы и Лейбница. Так, Декарт, определяя движение как переход тела из одного места в другое, не объясняет, что он понимает под термином «место». Если это пространство, отличное от самого тела, то это противоречит картезианскому тезису об отсутствии пустоты. «Предустановленная гармония» Лейбница противоречит тому, что монады у него не могут воздействовать друг на друга, ибо «не имеют окон» в окружающий мир. У Спинозы противоречива трактовка тел как частей субстанции, которую сам же он считает абсолютно неделимой.

Несмотря на обоснованную критику, скептицизм Бейля всё-таки оспаривался многими, в первую очередь Лейбницем в его «Теодицее». Но его негативное отношение к религиозной власти вдохновило мыслителей Просвещения как в Германии, так и во Франции. Позитивный элемент Просвещения – попытка достичь научного понимания социального и политического состояния человека – был в большей степени обязан другому, более системному мыслителю, Шарлю де Луи де Секонда, барону де Монтескье (1689-1755). Под таким именем он больше известен нашему слушателю.

Великим произведением Монтескье был труд «О духе законов» (1748 г.), в котором он построил теорию природы государства на большом объеме исторических и социологических данных. Этой работе, на написание которой ушло много лет, предшествовали два более коротких произведения – сатира на французское общество «Персидские письма» 1721 года и более весомый «Трактат о причинах величия и упадка древних римлян» (1734 г.).

Монтескье провёл некоторое время в Англии и приобрёл большое восхищение английской Конституцией. Его англофильскую страсть разделяли философы позднего Просвещения, которые считали себя наследниками Бэкона, Локка и Ньютона, а не Декарта, Спинозы и Лейбница.

Восхищение Монтескье британской терпимостью было тем более искренним, что перед высылкой в Англию в 1726 году, он уже дважды был узником Бастилии в качестве наказания за клеветнические брошюры о высокопоставленных дворянах.

Гигантом философской мысли и французского просвещения является французский писатель Вольтер.

И Вольтер в своём «Тринадцатом письме» говорил, что Локк является первым философом,

который дал трезвый отчёт о человеческой душе вместо романтических фантазий, сотканных более ранними философами. «Он показал человечеству человеческий разум, как хороший анатомист, объясняющий механизм человеческого тела». За годы до появления «Энциклопедии» Вольтер сделал себя живым публицистом английской науки и философии, опубликовав в 1738 году свою «Философию Ньютона». Энтони Кенни не без удовольствия подчёркивает, что сама идея энциклопедии пришла из Англии, где в 1728 году Эфраим Чамберс выпустил в двух томах «Циклопедию, или Универсальный словарь искусств и наук».

Этот пример вдохновил двух французских мыслителей Жана Лерона Д'Аламбера и Дени Дидро собрать группу единомышленников для того, чтобы создать энциклопедию. Они пригласили Монтескье и Вольтера. В этот круг попал и Жюльен де Ламетри, врач, который объявил человека машиной, Поль Анри Гольбах, атеист, который вёл роскошный философский салон, Клод Гельвеций, детерминист, психолог, который прославился, утверждая, что человеческие существа не имели интеллектуальных способностей, имели только чувства.

Самые яркие люди из группы этих деятелей показаны в довольно интересном ракурсе.

Как пишет Кенни: «Если бы Бога не существовало, сказал Вольтер лихо, надо было бы его выдумать, иначе нравственный закон не имел бы веса. Но он сам не верил в Бога, который добровольно сотворил мир. Такой Бог должен был бы нести ответственность за катастрофические бедствия, подобные землетрясению, обрушившемуся на Лиссабон в 1755 году. Мир был не свободным творением, а необходимым, вечным следствием Божьего существования». Чтобы отвергнуть любое обвинение в атеизме, Вольтер назвал себя «теистом». Теизм – это такой философский принцип, который гласит, что Бог создал этот мир, и мир с тех пор находится под контролем Бога. Однако Вольтера не стали называть теистом, присвоили ему определение «деист». Деизм – это иной принцип мироустройства, который гласит, что Бог, создав однажды этот мир, отвернулся от мира, и он теперь находится целиком в ведении человеческой воли.

Хотя все энциклопедисты часто рассматриваются как предвестники Французской революции, философия не обязательно была радикальной или даже демократической. Дидро принял покровительство Екатерины Великой, а Вольтер в течение трёх лет был камергером прусского кайзера Фридриха II. Их идеи свободы распространились среди английских революционеров 1688 года больше, чем у французских революционеров 1789 года. Свобода выражения мнений является той свободой, которой они больше всего дорожат, и они в принципе не возражают против самодержавия, хотя каждый из них должен знать, что Избранные ими деспоты менее просвещены, чем они надеялись.

Так что и Дидро, и Вольтер, и Д'Аламбер, и Монтескье у себя на родине были готовы пойти на риск, протестуя против злоупотреблений со стороны правительства, но они не призывали к каким-либо фундаментальным политическим изменениям. Меньше всего они хотели расширения прав и возможностей простых людей. Энтони Кенни напоминает, что любимом термином Вольтера было слово «сброд».